

Научная статья

УДК 82.02

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-28-45>

<https://elibrary.ru/TUVKLY>

БИЦИЛЛИЕВЕДЕНИЕ: К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ СТАТУСЕ

© 2024 г. Т.Н. Попова

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы институционализации бициллиеведения в контексте дисциплинаризации науки; выделены дисциплинарные модели науки в историографии; предложены авторские модели научной дисциплины; проанализированы дисциплинарные параметры бициллиеведения; сделан вывод о научном статусе этой области гуманитарного знания.

Ключевые слова: бициллиеведение, научная дисциплина, дисциплинарная модель, дисциплинарный поворот, когнитивная и социальная институционализация.

Информация об авторе: Татьяна Николаевна Попова — независимый исследователь, г. Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-3463>

E-mail: tnspt2017@gmail.com

Для цитирования: Попова Т.Н. Бициллиеведение: к вопросу о научном статусе // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 28–45.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-28-45>

Research Article



This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

BITSILLI STUDIES: ON THE ISSUE OF THE ACADEMIC STATUS

© 2024. Tatiana N. Popova

Abstract: The article provides the problems of institutionalization of Bitsilli Studies in the context of academic discipline; scholarly disciplinary models in historiography are highlighted; author's models of academic discipline are proposed; disciplinary parameters of Bitsilli Studies are analyzed; the conclusion is made about the academic status of this area of humanitarian knowledge.

Keywords: Bitsilli Studies, academic discipline, disciplinary model, disciplinary turn, cognitive and social institutionalization.

Information about the author: Tatiana N. Popova, Independent Researcher, Odessa, Ukraine.

ORCIDID: <https://orcid.org/0000-0003-2844-3463>

E-mail: tnspt2017@gmail.com

For citation: Popova, T.N. "Bitsilli Studies: On the Issue of the Academic Status." *Emigrantica*. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 28–45. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-28-45>

Что в имени тебе моем?

А.С. Пушкин

Mini-Преамбула. Движение науки, как известно, происходит в движении понятий: научный неологизм (scientific neologism) — результат категориального синтеза — имеет многообразие истоков и вариаций своего рождения. Появление слова «бициллиеведение» (Bitsillian Studies) связано с началом рефлексивного постижения самого процес-

са освоения творческого наследия *Петра Михайловича Бицилли*, профессора Новороссийского (Одесса) и Софийского университетов.

Масштаб публикаций трудов П.М. Бицилли и работ о его творческом пути позволяет говорить о том, что в рамках современного научного пространства интенсивно формируется новая область гуманитарного знания, сложноструктурированным объектом которого выступает сам Петр Михайлович Бицилли — «он в мире» и «мир в нем». Это исследовательское поле, стремительно расширяющееся, требует самоидентификации¹, которая выступает ведущим маркером *институционального процесса*.

Об институционализации. Термином *институционализация* ученые оперируют уже более шестидесяти лет: возникнув в «западной» социологии, это понятие уже в 1980-е гг. перекочевало в восточноевропейский ареал. Сначала спорадически, а затем (с 2000-х гг.) им достаточно широко стали пользоваться историки, обозначая этим словом процесс формирования различных организационных структур научного знания. С последней трети XX в. начался переход от изучения отдельных параметров развития науки к анализу их совокупности: в менталитете ученых постепенно утверждался «многомерный образ» науки. В связи с этим возникло и новое понимание процесса институционализации, в котором стали выделять внутреннюю логику становления научных областей по предметно-методологическому принципу и административно-организационную — создание различных структур науки (кафедр, исследовательских центров и т. п.).

Из многочисленных подходов к интерпретации понятия *институционализация науки* наиболее привлекательной представляется теория *Ричарда Уитли* (Whitley, Манчестерская школа социологов науки). Исходя из признания единства двух аспектов научной деятельности — когнитивного и социального, их «неразделимости», Р. Уитли выделил два «типа институционализации» — *когнитивный* и *социальный*.

Когнитивная институционализация (КИ) предполагает взаимопонимание между учеными на уровне когнитивных параметров науки, способствуя их консолидации на исследовательском уровне. При низкой степени интеллектуального согласия деятельность ученых будет некоординированной из-за недостатка общих определений и общих способов употребления терминов.

¹ Можно провести аналогию с появлением терминов-понятий «диаспороведение» и «эмигрантоведение» / «эмигрантика».

Ремарка-цитата: «Чем более когнитивно институционализована та область, в которой он [ученый] работает, тем четче будут его представления о собственной когнитивной идентичности и тем легче будет ему отличить “свою” область от других и выделять те знания, которые так или иначе относятся к его текущей проблемной ситуации. В этом смысле институционализация соотносится с общей способностью отличать одну когнитивную структуру от другой, распределять проблемы по их принадлежности именно к данной, а не к другой области» [7, с. 226].

Социальная институционализация (СИ) определяет степень интегрированности «интеллектуального движения» — научного сообщества, объединенного взаимопониманием содержания и специфики своей научной деятельности — в социальных структурах.

Организационный аспект СИ выражен в виде профессиональных обществ, ведущих журналов и этических кодексов и т. п., в итоге «социально институционализированные области исследования» обеспечивают основу для «социальной идентификации». При недостаточной степени СИ личные контакты будут более важны как средство получения информации и признания работ данного ученого [7, с. 220–228].

По мнению большинства исследователей, основные параметры институционализации приобретают свой завершенный образ именно на дисциплинарной стадии развития науки.

О дисциплине и дисциплинарности. Проблема дисциплины и дисциплинарности в наукознании (= комплекс наук о науке) как предмет исследовательского интереса за последние десятилетия пережила падения и взлеты. Еще «вчера» дисциплинарное строение науки считали анахронизмом, идея междисциплинарности нивелировала идею дисциплинарности, тезис о раздисциплинировании науки признавался аксиоматичным, на первый план выдвигался проблемный образ науки и проблемно ориентированная организация науки.

Однако с 2010-х гг. идея дисциплинарности обрела «новое дыхание».

Во-первых, интерес к дисциплинарности заявил о себе в контексте *дисциплинарной истории*, которая получила особый статус в истории науки: «В эпоху потрясений устоев знаний, — писал известный французский историк Пьер Нора, — каждая дисциплина стремится проверить свои основания с помощью их ретроспективного просмотра» [12, с. 32].

Во-вторых, анализ специфики институционализации отдельных областей знания актуализировал проблемы собственно процессов дисциплинаризации [6].

В-третьих, размах междисциплинарных исследований спровоцировал обращение к исходной единице — научной дисциплине; «дуэт» дисциплинарность / междисциплинарность составил особое поле изысканий.

Дисциплинарный поворот (один из многочисленных поворотов в эпистемологических поисках ученых) — своеобразный «ренессанс дисциплинарного принципа» — явственно проявил себя как реакция на постмодернистский «натиск» культурных исследований, когда науки о человеке в XXI в. вступили «в революционную стадию развития, период турбулентности и потрясения основ» [6, с. 7–38]. В это время были «проблематизированы вопросы об основаниях исторической дисциплины» [4, с. 19] — ученые пришли к выводу о том, что «...дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению...» [10, с. 550]; в междисциплинарности выявились собственные проблемы, а институциональные структуры, несмотря на лозунг «раздисциплинирования науки», упорно не желали уступать своих дисциплинарных позиций.

Новый «поворот» был спровоцирован целым спектром разнообразных факторов.

1. *Интеллектуально-научных*: кардинальная смена научно-мировоззренческих платформ, трансформация дисциплинарных полей, размах междисциплинарных исследований наряду с обозначившимися проблемами собственно междисциплинарности, углубляющаяся дифференциация научного знания, вступление в «историкографический возраст» научной мысли, интенсивные поиски новых эпистемологических идеалов, которые чаще всего происходят на позициях «отрицания» предшествующего опыта, «ветшание» классической академической системы знания, расслоение научных сообществ, теряющих базовые основы профессиональных принципов и т. п.

2. *Социокультурных*: наметившийся кризис либеральной идеи и мультикультурализма, толерантность «без берегов», утверждение «общества потребления» с его мозаично-фрагментарным мышлением, с амбициозностью и агрессивностью невежд, с масс-культурой и информационными фейками, подменой и смещением основополагающих культурных понятий / ценностей, с тенденцией трансформации демократии в охлократию и т. п.

3. *Геополитических*: «конец знакомого мира» (выражение И. Валлерстайна [3]) ознаменовался перманентными гибридными войнами,

разрушением межгосударственной «договорной системы» и игнорированием международных норм во взаимоотношениях стран и народов, практическим санкционированием системы «двойных-тройных и т. п.» стандартов общения, расцветом политического «закулисья» и т. п.

В основе этих «тектонических сдвигов» — разрушение (среди прочих) идеи дисциплинарности, цивилизационного феномена, конституционного стержня существования государств, которую пытаются изъять из обихода сообществ, превращая их из собственно со-обществ, т. е. структур, объединенных некой общностью взглядов, норм общежития и правил деятельности, в аморфные, не поддающиеся когнитивной интерпретации, явления.

«Дисциплина» в широком значении этого слова — неотъемлемая форма социального бытия. Пронизывая все сферы социума, устанавливая правила общественных связей и отношений, поддерживая и сохраняя некий «порядок вещей», дисциплина способствует нормальному функционированию и воспроизводству социума.

Институционально-дисциплинарные процессы в науке как компоненте социокультурного организма в целом имеют относительную автономию, но неразрывно связаны с единым «регламентационным» цивилизационным процессом.

«Дисциплинарный поворот» в науке — не возвращение назад к дисциплинарному образу эпохи классической науки, а новое видение организации науки как симбиоза дисциплинарного и проблемно ориентированного пространств единого поля научного познания, это — перемещение фокуса исследовательского интереса от дисциплинарности к междисциплинарности и далее — к восприятию этих форм бытия науки как взаимодополняющих.

Ремарка-мнение. Современная наука имеет проблемно-дисциплинарную структуру и три «фазы» функциональной деятельности с точки зрения «движения» знаний и их институционализации. Первая фаза — проблемно ориентированные исследования, так называемый «передний край» науки, осуществляющий «прорыв» в познании чаще всего на «перекрестке» дисциплинарных традиций и, таким образом, междисциплинарно нацеленный. Вторая фаза — научная дисциплина как исследовательская сфера дисциплинарной организации: здесь аккумулируются и апробируются новые идеи часто в борьбе с устоявшимися канонами; «пробивает» себя новое научное направление и происходит (или не происходит) его институционализация. Третья фаза — «учебный лик» науки, в рамках которого передаются неофитам новые научные нормативы [8, с. 154–161].

Практика показала, что разнообразные формы «междисциплинарности» вырабатывают собственный механизм регулятивов, создавая таким образом новый «образ дисциплинарности в междисциплинарности».

Научная дисциплина как трансдисциплинарное явление и определенный институциональный таксон обладает весьма подвижными контурами своего силуэта, так как на национально-государственном / региональном уровне одна и та же область знания предстает в собственном облике в соответствии с культурными традициями ее институционализации. Специфика проявляет себя в дисциплинарном / недисциплинарном статусе, в наименовании, в проблемно-предметном поле, в структуре и ментальности сообщества ученых. Каждая научная дисциплина как сложная система обладает специальными механизмами самоорганизации и складывается под воздействием разнообразных факторов интеллектуального и социокультурного характера, в результате чего процесс дисциплинаризации обретает свой «персональный маршрут». Подходы к изучению научной дисциплины, детерминированные ее образами, — онтологическим, гносеологическим, методологическим, организационно-коммуникационным, деятельностным, когнитивно-мировоззренческим и т. п. — должны сегодня восприниматься не в линейно-временной плоскости, а в различных вариациях синтеза либо избирательно в зависимости от исследовательской стратегии. При этом важно ориентироваться на конкретную *модель дисциплины*.

О дисциплинарных моделях. Со второй половины XX в. в науковедческой литературе была поставлена проблема таксономических единиц науки — ориентация на дифференцированный подход к анализу различных уровней и форм научного знания. *Научная дисциплина* была признана оптимальной таксономической единицей для изучения науки с позиций различных исследовательских подходов. Однако универсальной модели дисциплины не существует. На сегодняшний день предложен значительный репертуар дисциплинарных моделей, среди которых с большой долей условности можно выделить три типа: 1) *институционально-дисциплинарные модели*, в которых акцент сделан на институциональные процессы; 2) *популятивные модели* с акцентом на характеристику дисциплины в качестве сообщества; 3) *комплексно-системные модели*, в которых в той или иной степени объединяются разные параметры дисциплинарности: когнитивные, социальные, инфраструктурные, деятельностные, аксиологические, дискурсивно-стилевые, коммуникативные, дидактические и проч.; к этому типу принадлежит большинство моделей [8, с. 238–247].

В стадийном ракурсе научную дисциплину (НД) можно представить как наиболее высокую степень институционализации, уровень, на котором дисциплина предстает как социокогнитивная система, вписанная в определенный социокультурный контекст. Основываясь на идеях Р. Уитли, можно предложить следующую системную модель НД.

1. *Дисциплинарный субъект* — в личностном (ученый) и коллективном (научное сообщество) измерениях, — который:

- идентифицирует себя со своей дисциплиной и имеет самоназвание, соответствующее наименованию дисциплины;
- придерживается системы общепризнанных канонов, дисциплинарно-научных образцов и идеалов;
- способен вырабатывать стратегии по поддержанию своего профессионального статуса: утверждать «имя» своей дисциплины и ее «гражданский статус» как самостоятельного профессионального образования в научном сообществе в целом, в социокультурном и политическом пространстве.

Ремарка-уточнение. Как член научного сообщества и одновременно как индивидуальность, обладающая неповторимым набором личностных свойств и психофизиологической структуры, ученый-исследователь, находясь в перманентном состоянии «амбивалентности» (Р. Мертон), всегда вынужден делать выбор, балансируя между дисциплинарными стандартами и личностными пристрастиями; его креативно-творческий потенциал проявляется в том, какое место он займет между этими полюсами.

2. *Когнитивная система* включает:

- исследовательскую проблематику;
- фактуальный блок (дисциплинарный фонд научного знания — «генофонд» дисциплины);
- источниковый блок (дисциплинарный фонд источников — источниковедческая база дисциплины);
- методы, методологии и теории познания;
- категориальный аппарат;
- концептуальный аппарат.

Важнейшим показателем завершения дисциплинаризации является формирование рефлексивного уровня дисциплинарного знания, в который наряду с теоретико-методологическим входит блок историографического знания и дисциплинарная история.

3. *Инфраструктура* — система обеспечения когнитивной системы — включает:

- систему специализированных научных учреждений с само-названиями, соответствующими наименованию дисциплины;
- систему профессионального образования (с соответствующим дисциплинарным «учебным ликом» и его самоназванием), цель которой — сохранение и передача традиций («дисциплинарной матрицы»), воспроизводство научного сообщества в общепринятых для данного этапа развития науки нормативах;
- систему книго- и архивохранилищ и специализированную информационную систему, включая электронный ресурс;
- систему издательств / издания научной продукции;
- коммуникационную систему — формы научного общения (формальные и неформальные);
- материально-финансовую базу;
- систему вознаграждений и квалификационных нормативов профессиональной деятельности и т. п.

Социокультурная система (социокультурное пространство) — политико-идеологические, социальные, информационные, ментальные структуры, духовная и интеллектуальная культура социума в конкретном регионально-темпоральном режиме; это — условия, в которых происходит возникновение и функционирование научной дисциплины как социокогнитивной системы.

Ремарка-позиция. Предложенная модель — рабочий инструмент в исследовательской деятельности. Подчиняясь стратегии поиска, модели будут менять свою конфигурацию, уточняться и корректироваться, отражая в первую очередь авторское — творческое — начало как безусловный атрибут научного познания вне зависимости от любых дисциплинарных ограничений.

Если научная дисциплина — это сложившаяся *социокогнитивная система* («антропо-социокогнитивная»), вписанная в интеллектуальное и социокультурное пространство, высший уровень и форма *институционального процесса*, то стадийно предшествующие институциональные формы могут иметь вариативное разнообразие: «невидимый колледж», ветвь, область, отрасль, направление, проблемное (исследовательское) поле / пространство и т. п., которые, как и научная дисциплина, предстают в качестве «институциональных единиц / таксонов».

Реактуализация идеи дисциплинарности провоцирует ресемантизацию этого понятия, что включает анализ различных форм когнитивной институционализации на разных уровнях социальной интегрированности.

Институциональный процесс в науке — процесс длящийся, и на каждом темпорально-региональном уровне имеет свой «лик». Предложенные параметры научной дисциплины могут выступать как параметры любого институционального таксона, при этом *фактор институционализации* (понятие Р. Уитли) — показатель способов «схематизации действий и значений» в конкретной научной области — будет отражать «степень когерентности» («сцепления») социо-когнитивных компонентов на определенной стадии институционального процесса [7, с. 220–221]. Данный подход к анализу любого институционального таксона позволяет видеть «движение» научного знания в его разнообразных модуляциях.

Об институционально-дисциплинарных параметрах бициллиеведения.

Сегодня бициллиеведению вряд ли можно придать статус научной дисциплины: социокогнитивные параметры не приобрели системную завершенность, когерентность компонентов дисциплинарности — относительна, инфраструктура не сформирована. Авторы бициллиеведческих работ в своем большинстве не идентифицируют себя как «бициллиеведы»: объективная причина в том, что бициллиеведческие исследования не являются для многих из них доминантными (за исключением, пожалуй, «позднего Бирмана»).

И, тем не менее, можно выделить ряд показателей, которые свидетельствуют о том, что институциональный процесс набирает темпы.

Когнитивная институционализация бициллиеведения в своих основных чертах обрела более-менее отчетливый силуэт системности:

- определилось предметное поле новой области знания с четкой тенденцией к расширению;
- сформировался совокупный объект исследований — за 1912–2000-е гг. труды П.М. Бицилли, опубликованные ранее, републикованные и новые, неизвестные доньше, стали достоянием исследователей;
- архивные документы, материалы личных / семейных архивов, эпистолярий, мемуаристика и проч. составили значительную источниковую базу персональной истории П.М. Бицилли;
- сложился полидисциплинарный исследовательский инструментарий в научной деятельности «бициллиеведов» различной дисциплинарной принадлежности; формируется историографический и теоретический блок бициллиеведческих изысканий;
- подходы к оценке личности, творчества П.М. Бицилли, его роли и места в мировой науке в своих принципиальных чертах получили универсальное понимание в сообществе «бициллиеведов»; пред-

ложены первые концептуальные обобщения по ряду бициллиеведческих проблем и т. п.

Феномен бициллиеведения (как и любое научное образование) требует своего инструментария, в первую очередь — категориального аппарата. Сегодня уже сформировался блок понятий, которым оперируют исследователи. Понятия *бициллиевед*, *бициллиеведческие труды и публикации*, *бициллиана*, *бициллиеведение* впервые вводит М.А. Бирман [1, с. 13–14]. Предварительная экспликация понятий *институционализация бициллиеведения*, *бициллиеведческий процесс*, *историографические ландшафты бициллиеведения*, *параметрический образ бициллиеведения* и др., а также периодизация бициллиеведческого процесса (из четырех периодов) были предложены автором данной статьи [8, 9].

Социальная институционализация бициллиеведения (преимущественно инфраструктурные компоненты), а также *Субъект-репрезентант* новой исследовательской области проявляются по ряду параметров:

- в основных «ландшафтах» бициллиеведения — в Болгарии, России и Украине — более-менее скомпоновались сообщества «почитателей Бицилли», между многими из которых установлены достаточно прочные личные контакты: происходит обмен информацией, что способствует консолидации «бициллиеведов» не только в государственных границах внутринаучного поля, но и в межгосударственном пространстве;
- неопценима роль «лидеров» и «инициаторов» институционального процесса; в этом плане нужно отдать должное М.А. Бирману (Израиль; 1919–2020), который много лет выступал в качестве своеобразного связующего центра между различными регионами бициллиеведения; в последние годы очень многое в установлении личных творческих контактов между бициллиеведами Европы, России и Украины сделала Т. Галчева (Болгария);
- изданы фундаментальные работы в широком проблемно и дисциплинарно ориентированном диапазоне; информационно-коммуникационным «сетевым» координатором явился блок библиографических трудов, расширяющийся и уточняющийся с каждым очередным изданием и т. п.

Одним из важнейших коммуникативных маркеров в институционализации является организация персоналогических конференций.

1. Историографические чтения, посвященные 120-летию со дня рождения П.М. Бицилли — первая региональная персоналогическая

конференция (Одесса, 1999); Чтения были организованы историческим факультетом Одесского национального университета имени И.И. Мечникова и Научной библиотекой университета; в конференции приняли участие представители вузов, музеев, библиотек города, краеведы региона; почетным гостем стал внук младшего брата П.М. Бицилли — Михаила Михайловича — С.В. Бицилли (Одесса).

2. Круглый стол «Бициллиеведение в международном интеллектуальном пространстве: состояние и перспективы» был организован в рамках международной украино-болгарской конференции «Болгары в Северном Причерноморье» (Одесса, сентябрь 2007); участники — представители Болгарии (М. Велева, Д. Григорова), Израиля (М.А. Бирман) и Украины (О.Б. Демин, В.В. Левченко, Т.Н. Попова, Д.А. Шумейко (Одесса), И.И. Колесник (Киев), В.Г. Пикалов (Харьков)).

3. Международные научные чтения, посвященные 130-летию со дня рождения П.М. Бицилли, состоялись в Одессе в 2009 г. Инициатором чтений стал Научно-исследовательский и образовательный центр имени Г.В. Флоровского философского факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова (ОНУ). Состав участников приобрел новые географические контуры: Одесса, Киев (Украина), Москва, Санкт-Петербург, Казань, Пермь (Россия), Ашдод (Израиль), София (Болгария), Кишинев (Молдавия) и др.

4. Международные научно-образовательные семинары «ESCHATOS (Одесса, 2010–2012); организаторы: структуры ОНУ — кафедра философии, истории древнего мира и средних веков, новой и новейшей истории; Научная библиотека университета, Пермский государственный университет, Одесское отделение Российского философского Общества; география участников: Украина, Россия, Болгария, Израиль.

5. Международный семинар памяти П.М. Бицилли и Г.В. Флоровского (Одесса, 2013) прошел в ОНУ; участники — бициллиеведы Украины, России (Л.А. Сыченкова), Болгарии (Т. Галчева); почетным гостем стала внучка П.М. Бицилли — Н.А. Галь (Швейцария).

6. Международная конференция «Петр Михайлович Бицилли (1879–1953). Возвращенное наследие» (София, 2018) была организована по инициативе Т. Галчевой; участники — исследователи из Ашдода, Брянска, Казани, Минска, Москвы, Омска, Перми, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Саратова, Ташкента, Одессы, представлявшие Институт болгарской философской культуры, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук,

Российский государственный гуманитарный университет, Ташкентскую православную духовную семинарию, Петрозаводский государственный университет, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Белорусский государственный университет, Казанский федеральный университет и пр. От Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва) выступила ученый секретарь М.А. Васильева.

7. Первая в России международная конференция «Гуманитарная наука русского зарубежья: К 140-летию со дня рождения П.М. Бицилли» состоялась в Москве 18–19 ноября 2019 г.; организаторы: Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Библиотека-музей истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Конференция собрала ученых из России, Болгарии (Т. Галчева), Израиля (М.А. Бирман, М.Я. Вайскопф), Италии (М. Шруба, М. Вендитти), Польши (Р. Мних, Л. Киевзик, Н. Орлова), Украины (В.Ю. Даренский, В.В. Левченко, Т.Н. Попова).

Нельзя не отметить роль международных тематических конференций и круглых столов, в которых фигура П.М. Бицилли предстала среди плеяды ученых и мыслителей, вошедших в классику гуманитарного наследия:

- Международная конференция «Классика и канон в русской литературе. Юбилей» (София, 6–8 ноября 2014 г., Софийский университет имени Св. Климента Орхидского); доклады, посвященные 135-летию юбилею П.М. Бицилли были представлены Г. Петковой (София), Л. Мних (Польша), В. Кашеевым (Саратов), А. Каравашкиным (Москва);

- 24–25 октября 2019 г. Варшавский университет, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, Лозаннский университет, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Институт региональной культуры и литературоведческих исследований им. Ф. Карпиньского провели международную научную конференцию «Феномен русского зарубежья: философия, культура, литература, литературоведение» (председатель Роман Мних), в которой приняли участие ученые из Польши, России, Белоруссии, Италии, Болгарии и др.;

- 25–26 сентября 2020 г. на международной конференции, организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [«Тема

славянства у русских мыслителей» (Достоевский, Тютчев, Чижевский, Герцен, Данилевский и др.)), прозвучали доклады, посвященные П.М. Бицилли (М.А. Васильева, Москва) и Т. Галчева (София);

- в августе 2021 г. журналом «Вопросы философии» (Москва) был организован «круглый стол» «Кризис современной культуры: взгляд из истории русской философии (Федотов — Вейдле — Ландау — Бицилли)», участники которого — Б.И. Пружинин, А.В. Антощенко, Т. Галчева, И.В. Голубович, Д.В. Гурин, И.О. Щедрина, Т.Г. Щедрина, В.В. Янцен — из России, Болгарии, Германии, Украины.

Об имени. Термин «бициллиеведение» по своему предметному полю достаточно понятен большинству исследователей «темы Бицилли», поскольку бициллиеведческий процесс насчитывает уже более столетия — с 1913 г. [9, с. 50–107]. Однако в сообществе ученых нет согласия по поводу необходимости применения данного термина, который вызывает определенное критическое отторжение среди некоторых исследователей, обратившихся к изучению жизни и творчества П.М. Бицилли.

Новое слово появляется тогда, когда возникает потребность обозначить неологизмом новое, но уже существующее явление. Для А.Ф. Лосева — «имя и есть сама вещь»: «Знать имя — значит уметь пользоваться вещью в том или другом смысле. Знать имя вещи — значит быть в состоянии общаться и других приводить в общение с вещью» [5, с. 185]. Самоидентификация любого явления начинается с наделением его именем, с осознанием принадлежности ему его имени, что позволяет этому явлению приобрести определенный социальный статус: «...только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления...» [5, с. 20].

Самоназвание — едва ли не главный показатель институционализации науки, маркер самоидентификации исследователей, репрезентантов новой области знания. По традиции подобные персонологические направления называют по имени «героя» (пушкиноведение и т. п.), и этот «именной показатель» — свидетельство начавшегося рефлексивного процесса в системе нового знания.

Термин *бициллиеведение* / *бицилливедение* как самонаименование / самоназвание новой исследовательской области, уже используемый в современной полидисциплинарной литературе, посвященной жизни и творчеству Петра Михайловича Бицилли, «остается спорным», но, тем не менее, «постепенно входит в силу» [11, с. 473].

В любом случае слово «бициллиеведение» уже существует, и его консолидирующий потенциал вряд ли стоит недооценивать.

Resume. Дисциплинарная завершенность (конституирование) конкретной области знания происходит в общенаучном пространстве, на пересечении разнообразных когнито-социо-культурно-идеологически-политических и прочих линий, непосредственно / опосредованно влияющих на итоговый статус, который обретает эта ветвь научного знания.

Безусловно, этап «невидимого колледжа», для которого характерно интеллектуальное «взаимопризнание» исследователей творчества П.М. Бицилли и установление первых форм общения между ними, уступил место новому качественному этапу. Сейчас уже можно, пожалуй, говорить о переходе к пятому периоду в «бициллиеведческом процессе». Интенсификация и экстенсификация бициллиеведческих изысканий выразилась:

- в издании многожанровой научной продукции достаточно высокого (по сравнению с предшествующими годами) качества — от монографий и статей до публикации эго-материалов с фундаментальными комментариями;
- в появлении историографической аналитики и монографических изданий персональной истории П.М. Бицилли и т.д.;
- в расширении коммуникативной сети не только на уровне личных контактов, но и в плоскости «взаимоузнаваемости» авторов бициллиеведческих трудов;
- в создании Интернет-сайта «Saved Archives. Документи. Спомени. Публикации. Фото. Контакты» (София, 2012);
- в стремительном росте электронного ресурса, посвященного П.М. Бицилли;
- в организации международных персонологических конференций;
- в установлении так называемых «формальных» связей между университетами, кафедрами, академическими структурами и проч.

«Наука о Бицилли» — *бициллиеведение* — «...неуклонно движется к своему становлению от углубленного текстуального знания до аналитического осмысления...» [2, с. 594]

Бициллиеведение сегодня предстает в качестве:

- самостоятельной комплексной междисциплинарной ветви гуманитарных знаний (М.А. Бирман);
- относительно автономного, полидисциплинарного по структуре и многонационального по составу репрезентантов научного пространства в области гуманитаристики;
- относительно самостоятельного направления исследований в границах отдельных дисциплин — истории, историографии (как

истории исторической науки), философии, культурологии, филологии, лингвистики, социологии, политологии, биографистики и проч.;

- полидисциплинарного проблемного поля, пересекающего дисциплинарные и государственные демаркации;
- самостоятельного раздела гуманитаристики с междисциплинарным инструментарием и т. п.

Последующие институционально-дисциплинарные модуляции бициллиеведческого процесса неизбежно приведут к новым форматам этого интеллектуально-научного пространства в современной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
2. Васильева М. [Рец. на кн.:] Анненкова И.В. Незыгнанная мысль: Филология П.М. Бицилли. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 148 с. // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. С. 591–594.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ. под ред. Б.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 368 с.
4. Историки в поисках новых перспектив: Коллективная монография / под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с.
5. Лосев А.Ф. Философия имени. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. 271 с.
6. Науки о человеке: история дисциплин: Коллективная монография / сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 651 с.
7. Научная деятельность: структура и институты: сб. переводов с англ. и нем. / сост., общ. ред., вступ. ст.: Э.М. Мирского, Б.Г. Юдина; пер. с англ., нем.: Л.А. Седова, М.К. Петрова, А.П. Огурцова; науч. ред. Л.В. Блишников. М.: Прогресс, 1980. 431 с.
8. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: М.А. Бондаренко, 2019. 392 с.
9. Попова Т.Н. Петр Михайлович Бицилли: портрет в манере «сфумато». Одесса: Бондаренко М.А., 2021. 560 с.

10. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
11. Селунская Н.А. Интеллектуальная биография П.М. Бицилли в интерпретации М.А. Бирмана // Славянский Альманах / Институт всеобщей истории РАН, Россия; глав. ред. К.В. Никифоров. М.: «Индрик», 2020. № 1–2. С. 472–481. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.01
12. Франция-память / Пьер Нора и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325 с.

REFERENCES

1. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). *Life and Work*]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
2. Vasilieva, M.A. “[Retsenziia na knigu:] Annenkova, I.V. Neizgnannaia mysl': Filologiiia P.M. Bitsilli. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2011. 148 p.” [“Book review: Annenkova, I.V. Unexiled Thought. Philology of P.M. Bitsilli. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 148 p.”]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2012* [Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, 2012]. Moscow, 2012, Aleksandr Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad Publ., pp. 591–594. (In Russian)
3. Wallerstein, I. *Konets znakovogo mira: Sotsiologiiia XXI veka* [The End of the World as We Know It: Social Science for the 21st Century], transl. with ed. by B.L. Inozemtsev. Moscow, Logos Publ., 2003. 368 p. (In Russian)
4. Chekantseva, Z.A., editor. *Istoriki v poiskah novykh perspektiv* [Historians in Search of New Perspectives]. Moscow, 2019. 416 p. (In Russian)
5. Losev, A.F. *Filosofiia imeni* [Philosophy of the Name]. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1990. 271 p. (In Russian)
6. Dmitriev, A.N. and I.M. Savel'eva, comp., editors. *Nauki o cheloveke: istoriia disciplin* [Human Sciences: History of Disciplines]. Moscow, HSE University Publ., 2015. 651 p. (In Russian)
7. Mirskoi, E.M. and B.G. Yudin, comp., editors. *Nauchnaia deiatel'nost': struktura i instituty* [Scientific Activity: Structure and Institutes]. Moscow: Progress Publ. 431 p. (In Russian)
8. Popova, T.N. *Distsiplinarnyi obraz nauki: podkhody i poniatiia* [Disciplinary Image of Science: Approaches and Concepts]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2019. 392 p. (In Russian)
9. Popova, T.N. *Piotr Mihaylovich Bitsilli: portret v manere «sfumato»* [Piotr Mikhailovich Bitsilli: A Portrait in “Sfumato” Technique]. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2021. 560 p. (In Russian)

10. Repina, L.P. *Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial’nye teorii i istoriograficheskaia praktika* [*Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice*]. Moscow, Krug Publ., 2011. 560 p. (In Russian)
11. Selunskaja, N.A. “Intel’ktual’naya biografiya P.M. Bitsilli v interpretacii M.A. Birmana” [“Intellectual Biography of P.M. Bitsilli in the Interpretation of M.A. Birman”]. *Slavianskii Al’mankh* [*Slavic Almanac*], Institute of World History RAS, Rossiia, ed. by K.V. Nikiforov, vol. 1–2. Moscow, Indrik Publ., 2020, pp. 472–481. DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.6.01 (In Russian)
12. Nora, P., editor. *Frantsiia-pamiat’* [*France as Memory*], trans. from French D. Hapaeva. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999, 325 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 6 сентября 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 14 сентября 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 6 September 2020

Approved after reviewing: September 14, 2022

Date of publication: December 26, 2024